

Два часа до летнего солнцестояния

Непрошенный караул — дело неприятное. Особенно, если обнаружить его около своего дома. Особенно в день, когда все жители города собираются на площади, а улицы считай, что вымирают.

Так и Коловрат обнаружил, выйдя из дому, мужичка, чинно стоящего чуть ли не на крыльце. Человек этот сразу Коловрату не понравился: во-первых, в нем с первого взгляда обнаружился иностранец — рыжих волос, а тем более длинной бороды в Гелиограде было не встретить, а во-вторых, человек этот бесцеремонно и прямо глядел на Коловрата. Создавалось впечатление, что тот ни разу не слышал ни о приличиях, ни о стеснении.

— Тебе чего-то надо? — Коловрат не выдержал и вопреки своим привычкам обратился к незнакомцу первым.

— Надо. — Невозмутимо кивнул мужчина.

— Ну и чего? Милостыню лучше попроси на площади, там народу побольше.

Рыжий незнакомец вдруг преодолел расстояние между ними, бывшее не больше двух саженей. Действия его были столь стремительны, что Коловрат успел только схватиться за кинжал, висевший на поясе.

— Ты зачем дитя обижал? — грозно спросил незнакомец, с размаху ударяя его ладонью по затылку.

Вместо ответа Коловрат выхватил кинжал и резво махнул, однако мужчина перехватил его запястье. Впрочем, темная ткань одежд незнакомца оказалась порезана в районе груди и место разреза стало медленно темнеть, от выступившей под ним крови. Коловрат нахмурился — только поцарапал.

— В тюрьме тебе гнить, черт. — Сквозь зубы проговорил он.

— Зачем обижал дитя? — повторил странный человек, до того пронзительно смотревший в глаза Коловрату, что тот даже не решился попытаться нанести удар другой рукой.

— Какое дитя?!

Будто бы от строго учителя Коловрат снова получил по затылку.

— Это было предупреждение. Подумай, как следует.

Наконец, вырвав руку из крепкой хватки, Коловрат попытался нанести колющий удар, но снова оказался недостаточно точным и только задел нападавшего, не нанеся серьезной раны. Очевидно, решив окончить разговор, незнакомец, не обращая внимания на новый порез толкнул Коловрата в грудь, чтобы тот потерял равновесие, и скрылся.

Поднимаясь, Коловрат нервно проверил, цела ли его ноша во внутреннем кармане.

— Я детей не обижал. — Растерянно сказал он самому себе, пытаясь найти какое-то объяснение тому, что только что произошло. — Или... — Коловрату вспомнились черные девичьи глаза, полные ужаса. — Влепа? Она-то какого беса...

Коловрат потрянул головой, отгоняя бесполезные мысли. Однако волнение, не покидавшее его последние дни теперь переросло в тревогу и даже страх. Незнакомца откуда взявшийся и так же

быстро пропавший мужик показался ему не просто дурным знаком, а чуть ли не проклятьем. Он достал белый платок и начисто вытер свой кинжал от крови.

Тем не менее, Коловрат решительно зашагал по опустевшим улицам.

•

Солнце склоняюсь все ближе к горизонту. Под косыми лучами город словно был покрыт тонким слоем меди.

Агний шел в окружении самых высокопоставленных жрецов Гелиограда, едва разбирая, откуда и куда его ведут. С самого утра его сознание было приглушено — он не мог сосредоточиться даже на самой простой земной мысли. Но если это божий помазанник ещё мог принять, то когда у него не вышло обратиться к Тефлиосу через глубокую, Агний перестал понимать, что происходит.

Из плотно застроенной улицы Агний и его кортеж вдруг вынырнули на площадь. Там уж давно их поджидали тысячи человек, пришедшие сюда сильно загодя и уже весьма притомившиеся в ожидании. Громадная толпа взорвалась в приветствии божьего помазанника. Агний не сразу заметил жуткий гул надрывающихся голосов вокруг. Он оглянулся и, прилагая мучительные усилия, чтобы сфокусироваться, он рассмотрел площадь и безразлично напомнил себе, что ему предстоит. Ещё в храме, когда избранные жрецы наряжали и подготавливали Агния к его великому делу, краем уха он услышал, что один из служителей — самый старший, хорошо помнивший прошлое солнцестояние тридцатилетней давности — говорил другим, мол, так и надо, чтобы помазанник в день торжества был сам не свой.

Агния бережно подтолкнули вперёд. Подняв голову, он увидел площадку — небольшую по ширине но в сажень высотой. В Гелиограде нечасто проводили казни, однако в затуманенной голове Тефлиосова любимца сразу всплыл образ плахи. Едва заметно улыбнувшись этой мысли, Агний чуть увереннее двинулся вперёд.

•

Тени мучительно растягивались до своего предела. Гелиоград в свой золотой час подчёркнуто разделился на две части — красочную часть на солнце и неприметную, тусклую половину, задушенную тенью.

Свидевшись с Фимой, Коловрат не выдержал его понурого взгляда и вывел на прогулку вопреки «запрету лекаря». Этим действием он ставил под угрозу тайну липовой смерти Фимы, для сокрытия которой парой дней раньше он приложил уйму усилий.

Но всё же, воровато оглядываясь по сторонам, Коловрат в глубине души надеялся, что кто-то им встретится, узнает ана советника первого ранга и сломает все планы.

Выйдя из заточения впервые за несколько дней, Фима выглядел умиротворённым и даже предпринял попытку улыбнуться, что в трезвом состоянии у него совсем не выходило. Ему приходилось опираться на локоть Коловрата во время ходьбы, так как смотреть под ноги ему не позволял ещё не заживший ожог.

— У Вас случилось какое? — нерешительно спросил Фима, посмотрев на Коловрата, который лишнего слова проронить не мог.

— Нет. Не знаю. — Тяжело ответил тот. Ни прогулка на воздухе, ни тяжесть ноши, которая должна была в скором времени выручить его, не могли успокоить разум и помочь взять себя в руки. Издалека до них донеслись искажённые расстоянием возгласы толпы. — Скоро начнётся. Пойдём обратно.

•

Агний взошёл на сколоченную специально для него высокую площадку. Площадь едва вмещала в себя собравшихся горожан и приезжих, особо проворные забрались на крыши домов, окружавших площадку, откуда с опаской, но полным удовлетворением оценивали открывшийся вид.

Солнце, висевшее совсем низко в небе светило прямо в глаза Агния. Вглядываясь распахнутыми глазами в первородный лик своего божества, он почувствовал, что разум стал медленно проясняться. Он стал рассматривать пришедших — те жадно глядели на него, оживлённо в предвкушении переговариваясь друг с другом.

— Живущие под солнцем! — громогласно начал один из жрецов, стоящих позади Агния. Тот ещё недостаточно пришел в себя, чтобы суметь вспомнить, кто именно был говорящий. Толпа немного притихла. — Сегодня вы не узрите ночи. Отречетесь от страха и горя. Станете единым целым в нашем небесном отцом, Светлейшим Тефлиосом! Каждый из вас ощутит на себе лично божью благодать. Так возблагодарите господа нашего же и возрадуйтесь милости его!

С подачи оратора толпа загремела пуще прежнего. Агний никогда раньше не видел такое гигантское скопление людей, но как бы ему ни хотелось порассматривать пришедших, взгляд его вновь притянулся к светилу.

Он неслышно охнул. Нечто будто воткнулось в его голову, и Агний невольно сделал глубокий вдох, после которого ему показалось, что лёгкие стали втрое больше, а вместо воздуха он будто вдохнул искрящийся поток эфира.

Восприятие окончательно вернулось во всей своей ясности, Агний вспомнил, кто он и что собирается делать. Шальной мыслью промелькнул вопрос, а что будет, если выкрикнуть сейчас что-нибудь непристойное и убежать с этого помоста, а потом и с площади?

Но Агний заранее знал ответ — это невозможно. Его тело уже не принадлежало ему.

•

Коловрат зашёл в дом, где был поселен Фима. Единственное окно светлицы выходило на теневую сторону улицы. Оттого в доме было по-вечернему темно. Зная это место не хуже собственных хором, он достал с полки свечу, огниво и два стакана.

Когда осветить комнату удалось, Коловрат поставил на стол свою драгоценную ношу — две стеклянные бутылки.

— Пить будешь. — Предупреждая, а не спрашивая, сообщил он Фиме. — Чтоб на поправку пойти вернее. — Попытка изобразить иронию провалилась, вышла скорее угроза.

— Что это?

Два стакана Коловрат наполнил из разных бутылок, одну из них протянув Фиме.

— В твоей... — он запнулся и тяжело вздохнул, — в твоей хмель с лекарством.

Они выпили. Коловрат посмотрел на Фиму — для чего тот с доверчиво взял и выпил неизвестно что? Отчего не усомнился? Воцарившаяся тишина сдавливала виски Коловрата почти до боли.

— Я всё хотел спросить тебя, — начал он, чтобы заглушить её своим голосом, — о твоей песне. Тогда, в Градомудрище, цензор сказал, что там, дескать, деструктивные песнопения. О чем это он?

— Ах, то! — удивлённо откликнулся Фима. — Это печальные песня. Девы мать умер. И она очень грустно, не едят, не спят. Сидит в погребу, будто тоже умер, а там крыс. Много очень крыс, и они едят девы. А дева пока не умерли, но сильно грустят, так даже не заметила.

— Понятно. — Мрачно заключил Коловрат, когда смог распознать, что хотел донести Фима. — В чем-то ан Свинец был прав. У вас во Флипсии все песни такие?

— Часто. У нас стыдно бояться, когда смерть, так готовится. Вас не нравится?

— Не сказал бы.

— Извините. — Смутился Фима, а затем, набравшись храбрости, попытался снова задать вопрос, который был оставлен без внятного ответа на прогулке. — Вас сегодня очень задумчиво, может, что-то...

— Спой мне что-нибудь. Только не про смерть, ладно?

Лафина Фимы висела прямо над столом, так что тому было достаточно протянуть здоровую руку. Допив свой стакан, он нежно прошелся пальцами по струнам, собираясь с мыслями. Вопреки обычным своим долгим вступлениям, на сей раз он запел почти сразу. Пел Фима от сердца, не так, как это выходит у певчих, которым поступил приказ.

Коловрат тем временем вновь наполнил свой стакан хмелем. Ему было странно видеть человека, выполнявшего его просьбы столь легко и непринужденно, странно было и внимание с попытками разузнать, отчего ж тот так мрачен сегодня. А доверие Фимы... это сбивало Коловрата с толку пуще всего.

Глупый, глупый флипсианец — ему бы сейчас не распевать свои песни, а выбросить прочь свою лафину. Если б только он сейчас остановился, сказал бы, что раскусил подлый замысел Коловрата и до глубины души его ненавидит...

Коловрат почувствовал, как дрожат его пальцы. Может, от беса этот старый пыльный обряд? Может, ничего и не сработает? Может, глупо лишаться верного помощника? Когда ещё найдет он себе надёжное плечо, которое, пусть и не силой, но духом будет всегда рядом?

Коловрат одним глотком решительно осушил полстакана.

•

Агний никогда в жизни не получал сапогом по лицу. Однако именно с этим ему всегда хотелось сравнить приход Тефлиоса в его сознание. Всякий раз боль от контакта с божеством была внезапной, будто подобного не происходило ранее — ведь по окончании молитвенного общения воспоминания обо всем неприятном донельзя притуплялись, и к следующему разу Агний вновь с нетерпением ждал встречи с Тефлиосом.

И раз за разом будто получал сапогом по лицу. Однако сегодня все было иначе. Агний находился в полном сознании, даже острее, чем обычно, лицезрея земную твердь. Притом, обжигающий эфир продолжал наполнять его.

Вскрик божьего помазанника заставил умолкнуть ближайшие ряды. А через пару минут, известие о том, что «началось» прокатилось по всей площади. Толпа перешла на затаившийся ропот.

Сначала это была лишь ломота в мышцах, однако с каждым мигом сила, перетекавшая в Агния из закатного солнца становилась все тяжелее. Божий пыл, рассчитанный на тысячи человек, приткно наполнял Агния, причиняя тупую, стремительно возрастающую боль. В какой-то момент у него подкосились ноги, и пара жрецов подхватили его под плечи, помогая устоять.

— Отойдите! — Крикнул Агний, не зная для чего, отгоняя жрецов. Ему хотелось метаться из стороны в сторону от мучительной переполненности, но сил на подобное взять было неоткуда.

Хоть к божьим пыткам он и был привычен, но находиться притом в ясной памяти было тяжелее всего.

— Тефлиос милосердный, помилуй, прекрати... я не вынесу, дай мне покинуть смертное тело! — взмолился Агний, беззвучно зашевелив губами. Его било крупной дрожью так, что стучали зубы. Солнце коснулось горизонта.

Всё вокруг обрушилось. Голова Агния словно оказалась в ледяной воде. Боль не отступала — она в один миг исчезла, будто ее и не было. Наконец, Агний оказался умом не на земле, а где-то там, где обычно и присоединялся к божественному.

Если бы он мог слышать, то немало удивился бы — на переполненной площади стояла гробовая тишина. Мощь Тефлиоса теперь переходила от помазанника к простому люду. Агний ничего не видел и не слышал, но ясно ощущал, как непосильная тягота покидает его.

Его одолела уйма странных ощущений: он не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть, пропала не только опора под ногами, но память о том, где находится верх, а где низ. И несмотря на это, миг освобождения оказался вершиной блаженства. Излишек силы все ещё расплылся прочь из тела Агния, как вдруг он почувствовал, что вместе с волей Тефлиоса, его покидают и собственные силы, а может, и сама душа. По этому поводу он не испытал никакого сожаления и охотно позволял опустошать себя.

Солнце начало подниматься над горизонтом.

•

Коловрат никогда в жизни не получал признаний в любви. Для уже приевшегося ему за последний месяц обряда похорон сердца требовалось твердо знать, что человек, выбранный жертвой для этого непременно и крепко любит исполнителя обряда.

Бутылка хмеля, откуда наливал себе Коловрат была пуста уже более, чем наполовину, но опьянеть он никак не мог. Страх держал его в железных тисках. А Фима, хотя ещё и не дошло до смеха с его стороны, уже заметно расслабился.

— Вы знают, это забавно история, как я убежала с Флиспию... — после песни, ему захотелось продолжить вещание историй и теперь он вдруг затронул тему от которой всегда отмахивался. — Те горы... Вы ходил в горах?

— Фима. Ответишь мне на один вопрос? Но только честно. — Тягостно произнес Коловрат.

— Я честно. — Собравшись, заверил Фима.

— Люб я тебе?

— Люб? — он знал значение этого слова, но вопрос был до того неожиданным, что Фима засомневался, правильно ли он все помнит. — Почему Вы это? — по пристальному взгляду Коловрата он убедился, что понял все правильно, но от этого стало только хуже. — Если Вы гневается, что в сизый тогда...

— Да или нет?

— Да! — воскликнул он и сам же вздрогнул от своего голоса.

Коловрат закрыл глаза. Хватило бы одного слова флиспианца, чтобы обряд не состоялся, но теперь у Коловрата не было ни одной причины не довести свое дело до конца.

— Я... это плохо? — робко спросил Фима.

В нетрезвом виде тот выглядел совсем наивно и беззащитно, и даже страшный ожог не портил его лица. Коловрат осознал свое бессилие — он не сможет поднять руку на этого человека. Поэтому выливая остатки хмеля в стакан, он ответил:

— Нет, не плохо. Ты мне тоже очень люб.

Быть может, если бы у Коловрата было чуть больше времени свыкнуться с мыслью, что он отказывается от своего намерения провести обряд, найденный в Большой Библиотеке Градомудрища, то роковая ночь кончилась бы совсем иначе. Однако не успел он поднести стакан ко рту, как яркая вспышка за окном озарила всю светлицу.

Солнцестояние.

Фима в восторженном хмельном угаре ринулся к окну, хотя все равно бы не смог ничего оттуда разглядеть.

Насколько Коловрату было известно, это свечение, как и пик дня силы, должно было продлиться минут пять. Не помня себя, он поднялся со стула и приблизился к Фиме, вынимая из-за пояса серебряный кинжал.

В металлическом лезвии Коловрат увидел собственное отражение, и ужас сковал его на секунду — давешние бессонные ночи преобразили его далеко не в лучшую сторону, он это понимал, но не думал, что черные круги под глазами и бледные, судорожно сжатые губы делают его лицо столь отталкивающим. Этот самый кинжал он пару дней назад заговорил, омывая кровью Фимы, добытой в «Сизом маке».

Коловрат дико усмехнулся. Все это глупости. Променяет выверенный план, знания, доставшиеся ему высокой ценой и все потраченные усилия на недолгие на временное ощущение нужности, а спустя какое-то время обнаружит себя в дураках. Нет.

«Прости, Фима из Флипсии, если бы можно было сделать как-то иначе, я бы не пошел на это» — Коловрат хотел произнести это вслух, но что-то словно встало поперек горла.левой рукой он прижал к себе Фиму за туловище, а правой уверенно оставил широкий и глубокий порез на его горле.

Сначала на пол упали две крупные капли, а затем густая кровь полилась темным потоком. Коловрат отпустил свою жертву, отступая на шаг, как от огня, а Фима, зажимая рану рукой, словно это могло помочь, пошатнулся и рухнул на пол. Он уже почти не шевелился, однако кровотечение было все такое же бурное — запачкалась почти до нитки его батистовая рубашка, напитались влагой доски пола, жадно всасывая меж волокон теплую кровь.

Меньше всего Коловрат хотел встретиться с остекленевшими взглядом убитого, и облегчённо выдохнул, когда при падении, голова Фимы оказалась отвернута от него в другую сторону. В ярком свете было хорошо видно, как от краев лужа крови приобрела иссиня-черный оттенок, а после эта чернота стала разрастаться и подбираться истоку — перерезанному горлу.

Сначала почернел будто уголь сам порез, затем сквозь белую кожу стали вырисовываться темные линии — вены и артерии, по которым неторопливо распространялась темная сила, направляясь напрямик к остановившемуся сердцу.

Коловрат ещё плохо понимал, что произошло и не очень осмысленно, как замороженный наблюдал за происходящим. Ловил он себя при этом на самых нелепых мыслях: о том, что столько крови из Фимы вылилось, что дай Тефлиос каждому столько крови или о том, вдруг, что нужно не забыть доложить на неделе гине начальнице приемной палате о скором прибытии посла из Вобаса.

Тем временем чернота дошла до сердца. В теле Фимы что-то зашипело, и над его трупом стал подниматься сизый дым, облако которого отдаленно напоминало силуэт. В светлице стало холодно, Коловрат почувствовал чье-то присутствие.

Это было присутствие чего-то многократно более сильного и высокого, чем человек. Эта сущность была так велика и всеобъемлюща, что вытесняла собой даже воздух. Коловрат упал на колени и склонил голову, ощущая, как трепет сковывает его тело.

Больше не было ни светлицы, ни даже проклятого города, только темное безразмерное нигде.

— Мне пришелся по нраву твой подарок, сын мой. — Раздался глубокий голос богини Безымянной. Ничего подобного этому неземному тембру Коловрат никогда не слышал. Слезы благоговения текли по его щекам, и он едва решался дышать. Воля его в присутствии богини была абсолютно подавлена, и тем он был сладострастно счастлив.

Он уже забыл, что жил когда-то на свете некий Фима, жизнь которого он только что оборвал своей рукой. Коловрат позабыл на время все. Он хотел раствориться в темном пространстве, стать глотком воздуха для Безымянной.

— Давай же посмотрим, что ты за человек. — Рука богини небрежно взялась за волосы своего нового раба, заставляя Коловрата поднять лицо. В сияющей темноте тот не смог разглядеть ничего, но прикосновение, дарованное он с дрожью старался запомнить в мельчайших деталях. — Тут у нас злоба, жестокость, беспринципность, — она перечисляла его пороки, словно перечитывала число своих владений: спокойно и с деловитым удовольствием, — и зависть. Сколько зависти, подумать только! Кажется, я знаю, каким даром тебя наградить.

Коловрат испытал жуткое головокружение и, как ему казалось, должен был упасть на пол, но только пола нигде не оказалось. Он не понимал, движется ли он в пространстве, или это только иллюзия, но ощущение падения только усиливалось, пока от него Коловрата не отвлёк дикий жар в ладонях, словно он держал их прямо над костром.

— Терпи. — Приказала Безымянная, и Коловрат, который уже был готов завывать, отважно скрипнул зубами. Продлилось это недолго, от ладоней горячий импульс пошел дальше в руки, где стал угасать и вскоре затерялся. — Молодец. Теперь любая вещь, которую ты возжелаешь станет твоей, стоит тебе её разрушить. Пользуйся моим даром с умом и не забывай о своей благодетельнице, дитя.

Богиня стала исчезать из окружающего пространства, и Коловрат попытался ухватиться руками за воздух, чтобы задержать её. Но уже совсем скоро он почувствовал, что остался в темноте совсем один. Силы покинули его, и он провалился в забвение.